

Н. В. Снетова

***Проблемы зрелости человека и общества
в зеркале рефлексии Николая Страхова***

В статье предпринимается попытка реконструкции концепта зрелости в философии Н.Н. Страхова. В его понимании зрелости можно выделить два аспекта. В аспекте социальном: мыслитель видит критерий зрелости общества, его духовного развития в самобытности.

Ключевые слова: Николай Страхов, сущность человека, самосознание, самобытность культуры, зрелость, органицизм, славянофильство, литературный процесс в России.

Понятие зрелости в научной литературе разработано слабо, большая часть публикаций — это публикации по проблемам развития индивида в рамках психологических исследований, прежде всего периода детства и юности. Вместе с тем процесс развития личности продолжается во взрослом, зрелом и позднем возрасте.

В гуманитарном знании понятие «зрелость» остается полисемантическим. «Психологи — и теоретики, и практики — используют категорию “зрелость” в своей научной и практической работе. Однако ее содержание столь разнообразно и широко, что в последние годы ее употребление близко к метафорическому», — констатируется в предисловии к коллективной монографии «Феномен и категория зрелости в психологии»¹. Одна из причин такой ситуации — в предметах изучения, ими выступают самые сложные явления в мире — общество и человек. Понятие «зрелость» рассматривается в различных науках — таких, как экономика, политология, биология, философия, социология, педагогика и психология. В экономике «зрелость» характеризует период «жизненного цикла товара», когда рынок им насыщен и достигнут максимум его продаж. Такая фаза называется «зрелый рынок», за этой фазой следует фаза упадка. В биологии под зрелостью имеется в виду уровень развития ор-

¹ Феномен и категория зрелости в психологии / отв. ред.: А.А. Журавлев, Е.А. Сергиенко. Москва: Ин-т психологии РАН, 2007. С. 5.

ганизма, что имеет четкие характеристики, например, признаки полового созревания, сроков и уровней окостенения костей скелета, развития физиологических и морфологических систем организма и т.д. В этих науках закономерно используется количественный подход к данному явлению, что обуславливает возможность точных определений и характеристик. На этом точность в понимании феномена зрелость заканчивается.

В политологии понятие «зрелость» применяется в оценке уровня развития политических институтов и их функционирования, развития политического сознания и поведения, правовой системы. В социологии феномен зрелости анализируется в контексте взаимодействия человека с социумом. Изучение развития человека, особенно взрослого, «зрелого» человека, стало в последние годы предметом специальной науки — акмеологии. На наш взгляд, исследование проблемы зрелости в социально-гуманитарных науках остается на уровне феноменологическом. Художественная литература, имея своим предметом изображение и осмысление человека, безусловно, обращается к образному отражению «зрелости». При всем многообразии предлагаемых характеров, человеческих поступков, жизненных коллизий писатели и поэты в художественных образах воспроизводят типические, сущностные черты личности, характеризующие ее как зрелую или незрелую.

И в истории философии мы видим, конечно, в зависимости от теоретико-методологических предпосылок, во многом феноменологический подход. В философии зрелость рассматривается в контексте проблемы *развития*, где она выступает как высшая ступень процесса развития. Современная философская мысль при стремлении научно осмыслить проблему зрелости индивида анализирует процесс становления индивидуальной зрелости как обусловленный социально-культурными предпосылками и условиями, носящими конкретно-исторический характер. При этом исследуются взаимоотношения личности с государством, социумом с позиций ее ответственности, гражданственности, социальных функций. Кроме того, в философии в социальном плане понятие зрелости применяется и при анализе исторического развития цивилизации, культуры.

Остановимся на понимании зрелости в творчестве русского философа 2-й половины XIX в. Николая Стрхова (1828-1896). Думается, его взгляды, оценки часто выглядят достаточно актуальными для нашего времени. Мыслителя можно оценить как умеренного консерватора и неославянофила. Себя он назвал славянофилом, но в историко-философской литературе принята более точная оценка¹.

Чтобы понять специфическую трактовку зрелости у Стрхова, охарактеризуем социальную ситуацию, которая в текстах философа определяла постановку проблем зрелости российского общества и предлагаемые решения. Развивающийся капитализм требовал и порождал иной тип личности, с иными нравственными ориентирами и идеалами, нежели существовавшие при патриархальном укладе жизни. В условиях хотя и довольно медленных, но коренных изменений происходило столкновение старых и новых ценностей, в том числе нравственных. Модернизация в России происходила гораздо позже, нежели на Западе, поэтому отечественные мыслители могли оценить итоги этого процесса, анализируя состояние западной культуры, сравнивая Россию и Западную Европу. Такого рода сравнительный анализ мы видим у старших славянофилов, а также у А. И. Герцена, Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, Ф. М. Достоевского, Н. Н. Стрхова и др. В России усиливался индивидуализм, прагматизм, росло отчуждение людей друг от друга. Погоня за прибылью затмевала справедливость, сострадание, милосердие, взаимопомощь, сочувствие и другие гуманные побуждения. Иными словами, в стране относительно быстро происходил слом патриархальных привычных устоев жизни, которые казались незыблемыми. В этих условиях в общественном и индивидуальном сознании наблюдается обращение к консервативным установкам и ценностям. Личность и творчество Н. Н. Стрхова — яркое подтверждение данной закономерности.

Интерпретация зрелости у Стрхова была обусловлена его органическим воззрением на мир. Мыслителя можно

¹ *Стрхов Н.Н.* Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском /Биография. Письма и заметки из записной книжки Ф.М. Достоевского // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. СПб.: Типография Суворина, 1883. Т. 1. С. 205.

отнести к такому сквозному направлению в русской философии, как органицизм. С философской точки зрения проблема зрелости связана с пониманием развития, поэтому остановимся только на особенностях органического подхода. Философ писал, что любое целостное образование следует рассматривать как организм, все элементы которого органически взаимосвязаны. Каждое целостное явление, как всякий организм, развивается само из себя, на собственной основе, ибо внутри себя содержит изначально силу, дающую ему развитие, и закон, по которому оно изменяется. Следовательно, органическое развитие — это развитие собственной основы, собственных начал жизни. Каждая целостная система, например, народ, нация, человек является замкнутым миром. Страхов видит положительную сторону органического понимания действительности в том, что оно лишено односторонности в отличие от расхожих представлений о социальном развитии как прямолинейном процессе. Как и организм, любые органические образования зарождаются, переживают период расцвета, упадка, гибели. Они заражаются, болеют, вырождаются, выздоравливают¹. Отсюда вытекало его понимание исторического развития общества, человека и их зрелости. Любой социум, как и человек, является целостным организмом, развивается органически.

С точки зрения Страхова, если учитывать итоги исторического развития России и Запада, то можно говорить о существовании двух критериев социального прогресса — западного и русского. Согласно европейской традиции, критерий зрелости развития народа, государства — образованность. В статьях «Роковой вопрос», «Литературная деятельность Герцена» выдвигается в качестве критерия социального прогресса русского народа *самобытность*. Иными словами, самобытность выступает критерием зрелости социума. Следует отметить, что в 1864 году Страхов, имея в виду критерий самобытности, судя по ненапечатанной тогда работе «Ряд статей о русской литературе», был убеждён, что в этом отношении прогресс будет непременно. Оптимизм ему внушало развитие отечественной литературы.

¹ *Страхов Н.Н.* О методе естественных наук и значении их в общем образовании. СПб., Типогр. Эдуарда Праца, 1879. С. 73-93.

Основу этой самобытности составляет почва, которая есть народ в его историческом развитии и современном состоянии, в полноте его реальных сил и духовных запросов. Вот эта *полнота реальных сил и духовных запросов* и является зрелостью общества, по Страхову. Почва является истинным выражением национального характера. Вместе с тем, философ очень критично оценивает настоящее духовное состояние России, достижение ступени зрелости лежит в будущем: «Конечно, мы еще не заявили для всех несомненно те глубокие духовные силы, которые хранят нас и дают нам крепость; но мы им верим, мы их чувствуем, и рано или поздно докажем всему свету. Конечно, наша русская культура столь медленно слагающаяся, столь трудно развивающаяся, может, по бедности своих внешних форм, подать повод к высокомерию Запада. Европа честит нас варварами, и поляки в своей вражде не находят меры в унижении нашей духовной жизни. Мы же думаем, что наша культура, хотя менее развитая и определенная, носит в себе залог такой крепости, такого глубокого и далекого развития, каких, может быть, не имеет никакая другая культура»¹. В предисловии к сборнику статей «Борьба с Западом в нашей литературе» Страхов пишет, что влияние Европы постоянно отрывает русских от почвы, поэтому «все наше историческое движение получило какой-то фантастический вид». Беда, незрелость России — рабское преклонение перед Западом, что грозит утратой самобытности и полным развитием тех пороков, которыми страдает западная цивилизация.

Резко критикуя западную цивилизацию, Страхов, получивший прекрасное образование, предлагает уважать Запад и даже благоговеть перед величием его духовных подвигов, но при этом, по его мнению, «необходима умственная борьба с Западом». Для Страхова характерна вера в скрытую силу и мощь русского народа, в то, что в будущем эта сила реализует заложенные в ней возможности. Современная русская художественная литература, считает он, есть реальная демонстрация духовных возможностей русского духа. Рассмотрим проблему зрелости на примере его

¹ *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом. 2-е изд. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1890. Кн. 2. С. 155.

анализа состояния этой литературы. В работе «Бедность нашей литературы» мыслитель отмечает, что мы живем с сознанием нашей духовной несостоятельности, незрелости и радуемся малейшей похвале со стороны Запада. Но чувство нашей духовной незрелости еще не есть доказательство такой незрелости, несостоятельности. Оно свидетельствует, что мы не можем точно оценить степень нашей состоятельности: «Может быть, мы вполне состоятельны в духовном отношении; русскому человеку хочется в это верить; даже, в сущности, он не может этому не верить...»¹.

В чем проявляется незрелость нашей духовной жизни? Во-первых, наша незрелость выражается в слабо развитом самосознании, в «бедности сознания нашей духовной жизни»: «Мы одинаково не знаем ни ее дурных, ни ее хороших сторон и осуждаем ее огулом, без разбора». Страхов делает справедливый вывод о следствиях недоверия к духовной жизни своего народа. Мы испытываем комплекс неполноценности в оценке зрелости этой жизни. Отсюда у нас пренебрежительное отношение к ее проявлениям, «высокомерное отношение к ним». «Презрительно смотрим мы на движение, вокруг нас совершающееся; ни к чему у нас нет теплого, живого участия. Таким образом, вторая наша бедность есть бедность уважения и беспристрастия, совершенная потеря способности ценить явления по их достоинствам...».

При этом обнаруживается почти полный недостаток *чувства собственной ответственности*, того чувства, которое одно может быть плодотворно при таком положении вещей. При мысли о нашей духовной бедности, казалось бы, каждому должна приходиться на ум его собственная духовная бедность; казалось бы, каждый должен был смиряться и употреблять все усилия, чтобы накопить кое-какие богатства и уйти от общего приговора. Но ничуть не бывало. Роль судьи так легка и соблазнительна, что все лезут в судьи, и эти судьи забывают, что они в то же время и подсудимые². Таким образом, чувство нашей духовной

¹ Страхов Н.Н. Бедность нашей литературы // Литературная критика. СПб.: Русский христианский гуманитар. ин-т, 2000. С. 43-44.

² Там же. С. 44-45.

бедности не стимулируют на то, чтобы преодолеть незрелость, ускорить наше развитие. Страхов не делает заявочных оценок, обращается к ситуации в литературе и науке. «Приступит славянин к нашему письменному богатству — что же он найдет? Два-три истинно великих художника; два-три писателя с порывами к истинно самостоятельному мышлению; несколько дельных исследований — больше из диссертаций, обеспечивающих вступление в профессию; несколько произведений из жанра, в роде рассказов г. Успенского и отчасти драм самого г. Островского...»¹. Их произведения часто неадекватно оцениваются, их достоинства принижаются. «Затем довольно переводов, не отличающихся верностью подлинникам; еще более беллетристических произведений, не отличающихся дарованием... И только. Академия издает свои труды на французском и немецком; университеты с благоразумной экономией остерегаются давать публике, пропорционально числу своих профессоров, хотя бы двадцатую долю того, что дают пропорционально числу своих деятелей заграничные университеты: Словом, наука даже не в детстве, а в младенчестве; не может до сих пор покончить спор даже о том, с чего должно *начинать учиться...*»². Вывод: у нас скудно понимание нашей литературы, мы имеем литературную критику, не достигшую степени зрелости.

Страхов ставит вопрос: каков характер нашей незрелости, бедности? Ответ звучит следующим образом: наша духовная бедность есть бедность особенная. Если внимательно проанализировать ее черты, то можно сделать вывод, что есть основания для надежд на будущее. «Если мы взвесим все препятствия, которые эта литература встречала в своем развитии, то, может быть, найдем, что она немало и сделала. Может быть, окажется, что удивительным образом в этой литературе сказалась душевная мощь великого народа, того народа, который Европа до сих пор считает варварами и который в лице своих образованных предста-

¹ Там же. С. 45.

² *Страхов Н.Н.* Бедность нашей литературы // Литературная критика. СПб.: Русский христианский гуманитар. ин-т, 2000. С. 45.

вителей сам впадает иногда в сомнение и сокрушение относительно своих духовных сил»¹.

Органический подход сказывается здесь в том, что, согласно Страхову, «каждая вещь должна быть судима на основании ее самой. Ничего нельзя понять ни в каком деле, если мы будем становиться на чуждые ему точки зрения, если будем прикидывать к нему чуждые ему мерки. <...> Литература есть дело органическое; ее недостатки тесно граничат с ее достоинствами, и там, где высокомерный взгляд видит лишь больное место, в действительности, может быть, окажется здоровое и глубокое усилие организма избавиться от худосочия»². По мнению философа, в оценках зрелости, в поисках достоинств лучше недооценить себя, нежели переоценить. Он советует не торопиться в достижении зрелости: «Сознание вообще возрастает медленно»³.

Мы усердно учились у европейцев. Каков результат? Итог, по мнению мыслителя, — европейское просвещение на нашей почве приносит скудные плоды. Почему? По нашей неспособности? Или для иного результата есть внутренние препятствия? Читаем у Страхова следующее объяснение: «Если в самой натуре, в задатках нашего нравственного бытия есть препятствие, не дающее нам покорно и слепо подчиняться чуждому влиянию, если мы одарены некоторою нравственною самостоятельностью, крепкою, но не ясно сознаваемою, то понятно, что должна возникнуть борьба между стремлениями наших душевных сил и тем умственным строем, который на них налагается, который ставится для них авторитетом и правилом»⁴. У нас, констатирует философ, совершается таинственная история борьбы неясных начал с ясными, зачатков с развитыми формами. Развязка — появление поэта, который завершил все предыдущее развитие, «нашедши истинно русскую поэзию». Пушкин «умел глядеть поэтическими глазами на настоящую русскую действительность». Был и другой выход в этой борьбе: «Умы более холодные, теоретические пришли

¹ Там же. С. 51.

² Там же.

³ Там же. С. 63.

⁴ Там же. С. 65.

<...> к полному отрицанию русской жизни и, несмотря на то, что уже существовала обманчивая история Карамзина, не усумнились вычеркнуть жизнь русского народа из истории всемирного развития. Представителем таких умов был Чаадаев, приятель Пушкина...»¹

Страхов выделяет ступени в движении нашего литературного процесса, нашего общественного сознания к постоянно зрелости:

1) *«Период восторга. Инстинктивное, неопределенное ощущение своей силы. Поверхностное или фальшивое знакомство с Европою.*

2) *Период обмана. Действительное знакомство с Европою и обманчивое примирение нашей жизни с ее идеями.*

3) *Пушкин. Эпоха, завершающая два предыдущих периода. В одно время: поэтическое признание русской жизни и ее теоретическое отрицание.*

4) *Западники и славянофилы. Борьба между отрицанием русской жизни и признанием, ее самостоятельности. В художестве: развитие задатков, положенных Пушкиным.*

5) *Нигилисты. Отрицание русской жизни вместе с отрицанием европейской»*².

Таким образом, делает вывод мыслитель, свидетельством зрелости нашей литературы, духовной культуры является ее *самобытность*.

В философском творчестве Страхова, на наш взгляд, можно обнаружить еще один ракурс проблемы зрелости. Философия и социология рассматривают зрелость человека как социальную. Думается, возможно и даже необходимо рассмотрение этого феномена в рамках философской антропологии, т. к. в ней задается понимание сущности человека, его места в мире и социуме, решается проблема смысла жизни и т. д. Поэтому, реконструкция концепта зрелости в творчестве Н. Н. Страхова требует обращения к его философскому учению о человеке.

На наш взгляд, русский мыслитель в разработке проблемы человека, стоит, по крайней мере, в одном ряду с немецкими философами, считающимися основоположни-

¹ Там же. С. 71-72.

² Там же. С. 74.

ками современной философской антропологии — М. Шелером и Х. Плеснером. Если попытаться реконструировать *философско-антропологический взгляд* Страхова на зрелость человека, то можно сделать вывод, что он совершенно верно подходит к проблеме с точки зрения *сущности* того явления о зрелости которого он размышляет. Зрелость — достижение такого уровня развития явления, когда оно максимально соответствует своей сущности, реализует все свои сущностные свойства. Зрелый человек, в данном контексте, — это личность, в которой проявляются сущностные свойства человека как такового.

Каков человек по своей сущности? Согласно Страхову, «величайшая особенность человека» состоит в том, что человек «есть самое неопределенное из всех существ». Он «*может быть* бесконечно высоким и бесконечно разнообразным существом; но, точно также, он может быть и существом ничтожным, куском живого мяса». <...> Человек весь *в возможности*»¹. Поэтому о нем «должно судить не потому, чем он есть в данную минуту, а потому, чем он был и чем он может быть»². Зрелым человек может стать, а может и не стать.

Индивид является существом *саморазвивающимся* потому, что с точки зрения философа, по своей сути человек есть *деятельное, активное* существо. Только в процессе его активной деятельности и происходит, по Страхову, становление человеческой сущности, т. е. зрелости: «Жизнь есть не что иное, как образование этой сущности»³. При этом в соответствии с установками органицизма мыслитель утверждает: то, что в человеческом существе развивается, развивается вполне самобытно. «Совершенно ясно, — писал Страхов, — что каждый человек может развиваться только тогда, когда развивает себя сам»⁴. При этом в самом человеке должна существовать «твердая опора для его мысли», для того, чем определяется цель и достоинство его жизни. Таким образом, человек сам творит свою зрелость,

¹ *Страхов Н.Н.* Мир как целое. 2-е изд. СПб.: Типогр. братьев Пантелеевых, 1892. С. 171.

² Там же. С. 172.

³ Там же. С. 174.

⁴ Там же.

а внешние влияния, внешняя среда лишь способствуют саморазвитию, достижению зрелости. Наделенная внутренними силами и твердыми опорами, зрелая личность может и должна противостоять внешним влияниям. По существу, по мнению философа, явно не высказанному, она обладает *внутренней свободой*.

Далее, зрелый человек характеризуется Страховым как личность познающая и самосознающая. Он раскрывает последовательность духовного развития индивида, который «сперва живет, а потом понимает свою жизнь»; в целом на эти «два периода распадается полное человеческое развитие». Философ рассматривает движение ребенка к периоду зрелости. Новорожденное дитя — «кусочек мяса». Примечательно, что далее мыслитель высказывает совершенно верную мысль, что «ребенок есть человек в возможности». «Если рассматривать жизнь как деятельность, то ему предстоит, по-видимому, труднейшая задача. Ему нужно — стать человеком; и более или менее сознательно он чувствует перед собою эту цель, более или менее сознательно он работает для ее достижения»¹. Когда в ребенке начинает функционировать сознание, «он начинает всматриваться в окружающее его два мира — мир природы и мир людей. Что же такое он видит? Где мера тому и другому миру, в чем заключается их содержание, в чем состоит сущность? Мера — бесконечность, и содержание — неисчерпаемая глубина; а между тем, так или иначе, но ребенку нужно стать человеком»². Перед ребенком стоит задача как-то приспособиться к окружающему миру, «стать в уровень, подняться на поверхность этого потока людей и явлений, которые мечутся вокруг него, и, наконец, вздохнуть свободно и сказать: “Ну вот! Наконец и я человек”³! По мнению, мыслителя, большей частью такая огромная работа по достижению своей зрелости исполняется индивидом легко, потому что исполнение идет отчасти бессознательно: «Чутка и подвижна душа человека; из ребенка, из кусочка мяса

¹ Там же. С. 186.

² Там же.

³ Там же. С. 187.

быстро образуется прекрасный человек; все благородное и святое заразительно прививается к нему, стремления и мысли в нем загораются, как большая пламя от искры; он принимает как что-то родное и знакомое все, что медленно и тяжело было выжито тысячелетиями и незапамятными поколениями»¹. Итогом будет достижение «полноты жизни», т. е. ступени зрелости человека.

Согласно Страхову, способность к саморазвитию, самостоятельность не исключают воспитания и образования в формировании зрелой личности. При этом эти процессы должны основываться на сущности человека, эту сущность нельзя насиловать. В своей философии образования мыслитель настаивал, что саморазвитие личности не исключает наличия определенного «руководящего начала», идеала. Наш идеал, — констатирует с горечью Страхов в статье «Спор об общем образовании», — начиная с Петра «прямо состоит в том, чтобы *походить на европейца*. «Не видеть подражательности во всем нашем просвещении — невозможно». Критерием в выборе идеала образования и воспитания не должны быть ни практичность, ни затраты времени и средств. «Прежде всего, нужно развить в ребенке все духовные человеческие силы», тогда, убежден Страхов, мы получим самого «выгодного» человека, «человека наиболее пригодного для всякого рода приложений»².

Подводя итог, отметим, что в философском творчестве Н. Н. Стрехова проблема зрелости не получила концептуального оформления, поэтому данная работа являет собой попытку реконструкции данного концепта на основе изучения трудов мыслителя. Представляется, что многие его идеи в контексте рассматриваемой проблематики являются весьма актуальными для нас и в настоящее время.

N. V. Snetova

***The problem of maturity of the individual and society
in the mirror of reflection by Nikolai Strakhov***

¹ Там же. С. 187.

² *Страхов Н.Н.* Из истории литературного нигилизма. СПб.: Типогр. братьев Пантелеевых, 1890. С. 291.

The article attempts to reconstruct the concept of maturity in the philosophy of N. N. Strakhov. There are two aspects to his understanding of maturity. In the social aspect: the thinker sees the criterion of maturity of society, its spiritual development in identity.

Keywords: Nikolay Strakhov, the essence of man, self-consciousness, cultural identity, maturity, organicism, Slavophilism, the literary process in Russia

ОБ АВТОРЕ:

СНЕТОВА Нина Васильевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии философско-социологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ).